

РАВНОЧЕСТИЕ ЧИНОВ СВЯТОСТИ И УЗЕЛ ЗМИЕВ ИКОНЫ ЦАРСКОЙ

Красивейший, замечательный образ. Можно было бы сказать – образцовый извод иконографии Чуда святого Георгия о змие, если было бы приемлемо для традиции иконописи и творчества лучших мастеров само понятие некоего общего образца – как эталона для безусловного, подчинённого воспроизведения, подражания, художественного копирования. Мы встречаем буквально бесчисленное множество – множеств вариантов извода, а в каждом из них – особенное осмысление. Особенное слово на языке иконы перед Самим Господом – Богословие о противостоянии, противлении злу и одолении. Впечатляет, завораживая, особенный простор света в этом образе, который, видимо, назовём красотой, рождаемой соразмерностью и гармонией форм, прозрачной чистотой цвета, читаемостью символов – всё обретаем в этой иконе. И не отойти от неё.

Этот образ в коллекции Государственной Третьяковской галереи относят к 16 веку, к первой половине его, к периоду начала царствования первого русского Государя, общерусского природного Царя Иоанна IV Васильевича – Грозного. Представляется, что сама иконография этого извода противится устойчивому отнесению этой иконы именно к первой половине 16 века, но, скорее, настойчиво утверждает своё возникновение, по меньшей мере, от периода середины века, не ранее 1547 года, ознаменованного восшествием на престол первого русского Царя. Представляется, что именно в этом контексте следует воспринимать образное повествование. Прислушаемся к этому контексту, воспримем «несущую частоту» его. И не откроется ли образ особенно пронзительно и наглядно? Ясно озвученным и внятно произнесённым на языке иконной символики – откроется смысл - к восприятию и пониманию изображённого. Не станем повторяться об общих иконографических аспектах, уже упомянутых при рассмотрении иных изводов Чуда о змее. Рассмотрим особенности, привлёкшие внимание, вызвавшие искреннее восхищение и желание высказаться об увиденном.

Выскажу сразу основное предположение, гипотезу, личное видение, чтобы затем – лишь утвердиться в нюансах, возрадовавшись. Пусть обманусь – здесь, перед этой иконой это действительно в радость, не иначе. Итак, предположим, совсем не безосновательно, как рассмотрим далее: перед нами - Царская икона, имеющая самое непосредственное отношение к восшествию на Престол Руси, к венчанию на Царствование со Своей Русью – грозного Царя Иоанна. Не сразу бросается в глаза, что у иконы – нет надписания, обычно вербализующего изображаемое словесным внятным свидетельством. Можно так сказать, что у этого образа нет имени. Намоленный веками и поколениями иконный сюжет, привычный, накрепко вошедший уже в плоть и кровь церковную, в христианский генотип и обиход – оказывается безымянным – вопреки обыкновению общей иконописной традиции. Утрачена ли надпись в повреждениях, потёртости красочного слоя? Едва ли. Представляется, что вполне сознательно не надписана икона, преподавая этим нечто к уразумению: не святой Георгий прообразуем здесь, причём настолько значимо и явственно, что сам прообраз как бы замещает образ, восходит на место образа. Восходит настолько целостно и явственно, что мастер – иконописец уже не может надписать: Святой Великомученик Георгий. Не может написать и иного, но широкой палитрой взаимодействующих символов восполняет отсутствующее в надписании имя.

Нимб святого война едва намечен прорисью. Быть может, здесь – утраты красочного слоя, но видится, что скорее здесь намеренное решение некоторого отодвигания нимба – отчётливого символа святости не на второй план, но в область общего сияния, «горнего» цвета – фона светло золотистой охры. Контур нимба едва намечен графьёй. Не приходится говорить о значительных утратах цвета в нимбе, когда венец на главе война сохранён так целостно. Едва ли в символе венца, воздеваемого ангелом на главу война - змееборца имеется в виду увенчивание святого Георгия мученическим венцом. Венцом мученичества святой Георгий увенчан в мученическом подвиге, но не в событии изображаемом, наступившем после мученического подвига и кончины. Золотой, с инакопью – ассистом,

венец, одеваемый на голову воина – скорее царский венец, а само венчание ангелом, сопричтённое изображаемому сюжету, – скорее символ венчания царского, венчание на царствование. Венчание, как видимое действие, совершаемое ангелом, – от благословляющей десницы Божией. Заметим здесь, что правое крыло ангела, воздевающего венец, вынесено на иконное поле – это единственная деталь, изнесённая из ковчега. Как поймём её? Принятый нами контекст поможет предположить, что таинство боговенчанной власти – приближается к нам, как некая доступная данность, созерцаемое откровение Божие, – к восприятию и благоговейному почитанию. Именно в одолении зла, в прободении змиевой пасти, в продлеваемом удержании прободенного чудища – увенчивается воиствующий витязь.

В левой руке воина – щит, совершенно точно соответствующий размерам нимба. Можно рассмотреть, что нимб и щит не пересекаются друг с другом, но соприкасаются в одной точке у левого плеча воина, покрытого плащом. Изображённый щит мог бы быть надет на левую руку воина, но в данной композиции щит с изображением сияния развёрнут к плоскости иконы лицевой стороной. На фоне света «неземного» фона и нимба в символике светящегося щита усмотрим символы света земного и деятельной защиты. Образ коня в предлагаемой структуре толкования символики станем понимать, как символ обуздываемого царства, управляемого в противостоянии злу. Тогда воинский щит, прикрывающий и воина, и коня, может быть прочитан, как часть этого охранительного и управляющего обуздания. Конская шея находится между щитом и локтем руки воина, натягивающей повод. В повторении и оппозиции форм, взаимном дополнении символов нимба и щита, не рассмотрим ли благоговейно упоминания равночестности чинов святости в делании духовном и служении земном, в трудах брани видимой и невидимой.

Правая рука святого воина вознесена горе в двуперстном благословляющем перстосложении. В благословляемую и благословляющую десницу воина вложено копие – властный скипетр Божий. Благословляющий жест святого воина, содержащий символ власти и поражения змия доносит нам понимание венчанного царствования, как священнодействия, священнодейственного поражения змия силою Божьей. Копьё пронзающее змия увенчано крестом Господним. Собственно крест Христов прободает пасть и удерживает зло. Не силой побеждается змей, но хитростью Голгофы – крестом Господним – «сим победиши!». Десница воина – лишь священнодействует, будто и не участвует в разящем ударе. В дополнение к предложенному пониманию символа копия – скипетра обретает возможно расширенное звучание символика щита у левой руки – формы круга и шара – державы царской. Не станем слишком уж настаивать на верности этого предположения.

Обратим внимание на широкую белую перевязь, выше чресел, чуть ниже персей святого воина. Представляется, что здесь чрезвычайно уместен предложенный контекст нашей общей гипотезы о царском священнослужении изображённого змееборца. Тогда в иконе уверенно прочитывается символ пояса – как части священнического и архиерейского Богослужебного облачения. В символике священнического пояса – знаменованье чистоты и достоинства, готовности служения Господу, присутствия снизошедших ко служению, укрепляющих сил. Присутствие священнического пояса символически наделяет – правом священнодействия. В символизме пояса – и обращение к служению людям через упоминание полотенца, которым препоясился Спаситель, умывающий на Тайной Вечере ноги ученикам Своим. Рассматриваемый символ отсылает нас и к Ветхому завету, к описанию одежд ветхозаветного Аарона (Исх. 28:8 — 14, 39). Возводит нас белый пояс и ко временам древнейшим, к принятому одеянию воина, отличительному знаку римского военачальника, наделённого крепостью, силой, властью и ответственностью служения. За воскресным Богослужением на вечере слышим из псалтири Давидовой: **«Господь воцарися, в лепоту облечеса: облечеса Господь в силу и препоясая, ибо утверди вселенную, яже**

не подвижится» (Пс. 92:1). И знак пояса обретает вселенское значение неодолимого противоборства за судьбу всего тварного мира, всей вселенной, не подвигаемой силами зла. Относит этот символ и чаемой жизни будущего века, ко скончанию времён и разрешению видимого мира Судом Страшным, к посмертной участи верных в Царстве Небесном. Там будут **«Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдёт бодрствующими; истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им»** (Лк. 12:37). Повествует этот символ увещающим призывом апостола Павла - к людям, живущим ныне деятельно по образу Христову: **"Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною"** (Еф. 6, 14). Так иконный символ в согласии с новозаветным изречением относит изображаемое к личному, персональному восприятию каждым предстоящим и молящимся. Прочитываем, явственно преподанные нам в этом символе, значения и смыслы: духовного бодрствования, силы ниспосылаемой Богом для борьбы с грехом, исполнения Господней воли, целомудрия, отсечения плотских страстей, бдительной, бодрственной готовности ко всякому доброделанию в служении Богу и людям, духовной высоты и власти. Обо всём этом перед каждым служением Богу - молится священник, облачаясь и надевая пояс и вспоминая молитвенно вдохновенное песнопение Давидово: **«Благословен Бог, препоясуяй мя силою, и положи непорочен путь мой, совершай нозе мои, яко елени, и на высоких поставляяй мя»** (Пс. 17, 33, 34). Как пример символического красноречия в этой детали одежды святого воина видим цветовое соотношение локальных цветов. Белый пояс во всем широчайшем спектре символического знаменования – связывает воедино через фигуру священнодействующего воина цветовые символы алого плаща и светло–золотистой охры фона божественного присутствия.

Поэтично, образно, красиво и убедительно будет упомянуть о цветовом символе алого царственного седла – трона царского на белом теле Святой Руси, возглавленной Боговенчанным царём – служителем, воином – иереем Божиим, удерживающим теперь. **«...тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь»** (2 Сол. 2:7). Играет конь, управляемый властной и крепкой рукою. Конь попирает ногами на самом переднем, явственном плане шею тела змиева. Топчет змия конь управленный, глядя чудищу прямо в пасть, пышущую злым языком пламенным, жгучим. Но змий, как и воин святой - внимательно всматриваются в предстоящих образу. Переступает конь задними ногами адово горнило, обиталище змия. **«Блюдите ўбо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупюще время, яко дние лукави суть»** (Еф. 5:15-16). Змий - ливьятан – вьюн, плетёт сети, силки погибели, ждёт добычи и дожидается её. Сидящий в ловитве враг – улавливает ногу коня, стискивает её тугим узлом. Окружность узла змия – обезьяны, знаменитого подражателя и пародиста - почти равна, почти повторяет окружности воинского щита и нимба. Лапы змия идут по лузге – по нижнему повалу ковчега, именно левая, дальняя от нас лапа – отвратительно выступает к нам совсем близко.

Не выпускает змий, даже в прободении гортани, в попрании ногами конскими – не выпускает уловленное накрепко, заблудившее на миг. Уловил коня змий, - коготочку увязнуть и птице – пропасть, как бы ни сила Господня и «хитрость» крестная, властная. Как рыболовным крюком креста Христова прокалывается гортань под языком лукавым. Пронзается глава чудовища обезображенного цвета, замутнённо-красного. Уловляется кит великий, червь-левиафан, враг Божий. Уловляется на противостояние, на беспощадную битву, на попрание, одоление и низвержение в конце времён. Удерживается крестом, выходящим в предельно возможную близость к нам – в верхнем иконном поле.

И сиятельно торжествует отсвет Царствия Небесного, играя радостно на лешатках горок земных.

УДЕРЖИВАЮЩЕМУ ТЕПЕРЬ

Противится он, отважнейший муж, дыханию зла...
Низвержен дракон – вместилище стуж с небес первотварных,
Но рык - словно стон из пропастей луж в светах лучезарных, -
Восстал аваддон погибельных душ и несть им числа.

Несчастнейшие, в улыбках своих беспечного сна
Не избранные: «... не ведаю их, во множестве званных...» -
В геене геен их плач не утих, нагих, окаянных, -
Не изгнанные из вечно живых, - их бездна несла.

Восстал вопреки глагол – благовест, сиятельный воин.
Могучей руки, вмещающей крест на древке копья,
Сильнее строки молитвенный жест – пронзает гортань,

Хулящую пасть. Зловонный язык пусть не успокоен, -
Удержана власть на дрящущийся миг, пропята змея.
Теперь ли пропасть! И корчится крик в предсмертную рань.